

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ СЛУЧАЯ ВРЕМЕННОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ ОБРАЩЕНИЯ
В УСТНОЙ РЕЧИ, ИЛИ КОГДА МУЖ НАЧИНАЕТ НАЗЫВАТЬ ЖЕНУ «МАМОЙ»

Иосиф Мейерович Зислин

Психиатр, независимый исследователь,
Израиль, Цур Адасса, ул. Шалмон, 7/1, e-mail josef@zislin.com

Реферат

В работе проанализированы случаи терапии, при которых пациент начинает называть свою жену «мамой». Подобные речевые формулы, хорошо известные в обыденной жизни, описаны в лингвистике как прагматический сдвиг. Показано, что временная транспозиция наименования происходит у пациентов, страдающих депрессией и сопутствующей ей сексуальной дисфункцией. Для анализа подобного переименования в статье использованы методики антропологии, лингвистики и психоанализа. Высказано и обосновано предположение, что названная речевая формула отражает бессознательное инцестуальное табу, или зеркальную инверсию эдипова комплекса. В описываемых случаях инцестуальным становится стандартное и разрешённое брачное сексуальное поведение через переименование сексуального партнёра. Указанную транспозицию в фокусе терапии можно рассматривать как частный случай (психологической) речевой защиты, обозначенной нами как «риторическая иллюкутивная защита».

Ключевые слова: депрессия, термины родства, транспозиция обращения, эдипов комплекс, механизмы.

HOW AND WHY A PATIENT BEGINS TO CALL HIS WIFE
“MOM”: CASES OF CHANGING THE TERMS OF KINSHIP

Iosif M. Zislin

Psychiatrist, independent researcher,
Zur Hadassa, Shalmon, 7/1, Israel, e-mail josef@zislin.com

Abstract

This is a paper showing how and why a patient starts calling his wife “mom”. An example of some cases is discussed. Such speech formulas, well known in everyday life, are described in linguistics as a pragmatic shift. It was demonstrated that such a temporary transposition of the name occurs in patients suffering from depression and associated sexual dysfunction. Methods of linguistics, anthropology and psychoanalysis have been used to analyze the described clinical cases. It is suggested that such transposition reflects an unconscious taboo and a mirror inversion of the oedipal complex. The standard and permissible marital sexual behaviour become incestuous through renaming the sexual partner in the described cases. The aforementioned transposition in the focus of therapy can be considered as a special case of (psychological) “speech defense”, which we have designated as “rhetorical illocutionary defense.”

Keywords: depression, terms of kinship, transposition, oedipal complex, defense mechanisms.

...Мы апеллируем к не существующей,
но постоянно создаваемой норме.
Нет такого учебника, где бы было описано,
а каковы должны
быть отношения между, например, двумя
мужчинами,
которые обращаются друг к другу «брат»,
или женщинами-ровесницами, которые
обращаются друг к другу «девушка».
С. Адоньева

В этой заметке мы проанализируем несколько клинических случаев, привлёкших наше внимание своим отклонением от стандартного речевого поведения.

Начнём не с теории, а с описания клинических примеров.

Клинический случай 1 (весь терапевтический процесс проходил на русском языке). На консультацию пришла супружеская пара — женщина 49 лет и муж К. 59 лет. Супруги состоят в браке уже 27 лет. В семье двое сыновей 22 и 25 лет. Взрослые дети живут отдельно. Поводом для консультации стало душевное состояние мужа, ранее никогда не страдавшего от психиатрического заболевания. На фоне подозрения на опухолевый процесс в почке К. развил типичную реактивную депрессию. В преморбиде К. характеризуется как стеничный, властный, подозрительный, довольно замкнутый, обидчивый, с частыми взрывами гнева. Со слов жены, всегда был деспотом в семье.

При появлении подозрения на опухолевый процесс и развившейся депрессии душевное состояние К. резко изменилось. Стал более вязким, плаксивым, тревожным. Непрерывно говорил о страхе смерти. Из домашнего деспота превратился в «слабого и тревожного ребёнка» (со слов супруги), полностью зависимого от жены. По самому незначительному поводу просил у неё совета и помощи, боялся принять любое решение самостоятельно, чего раньше никогда не происходило. Стал очень религиозным, хотя ранее всячески демонстрировал своё презрение и даже ненависть к любым религиозным проявлениям.

Одной из жалоб жены было полное прекращение половых отношений мужа с ней. Началось это, с её слов, постепенно, за 6–8 мес до появления подозрений

на опухоль и развития депрессивной симптоматики. (Нельзя исключить, что снижение либидо было одним из первых признаков наступающего депрессивного состояния.) Сам пациент жалоб на снижение половой функции не предъявлял и только при активном распросе отметил прекращение половых отношений, и то без особой аффектации.

В ходе интервью и лечебной интервенции мы обратили внимание на то, что К. называет свою жену (как в прямом общении с ней, так и в беседе с терапевтом) не «жена», не по имени, а только «мама». Причём произносилось это слово как с нейтральным оттенком, так и с оттенком раздражения. Он использовал такое обращение и при прямом обращении к жене, и при его рассказе, когда жена физически на терапии не присутствовала.

Сначала мы отнесли эту речевую формулу на счёт депрессии у К. и не придали ей особого значения. Однако в ходе лечения и консультирования на фоне улучшения состояния выяснилось, что она возникла постепенно, практически параллельно с прекращением половых отношений.

После успешного психиатрического и соматического лечения обращение к жене «мама» сохранялось в прежней степени, и даже на короткое время количество таких обращений увеличилось, несмотря на клиническое улучшение течения депрессии. Возможно, произошло это потому, что ослабление депрессивных симптомов не привело сразу к восстановлению половой функции. Она восстановилась гораздо позже, параллельно же с этим отмеченное нами использование данной речевой формулы постепенно сошло на нет.

Клинический случай 2 (весь терапевтический процесс проходил на русском языке). Мужчина С. 47 лет. Женат 23 года. Отношения в семье всегда были достаточно ровными.

В семье двое детей 21 и 18 лет. В преморбиде С. ровный, спокойный, уравновешенный, малоэмоциональный.

Два года назад на фоне тяжёлой экономической ситуации развил реактивную депрессию с идеями виновности, никчёмности, снижением аппетита, бессонницей, суицидальными мыслями. На этом фоне произошло выраженное снижение либидо, которое раньше никогда нарушено не было. Сам пациент это отмечал, но на фоне других жалоб (тревога и бессонница) большого значения не придавал.

Заметив, что во время совместных бесед С. обращается к жене исключительно «мама», врач провёл отдельную беседу с женой. Выяснилось, что до настоящего эпизода практически никогда ранее пациент подобный речевой оборот не использовал.

При выходе из депрессии либидо восстановилось не сразу, и параллельно с клиническим улучшением сексуальной функции данная речевая формула «мама» ушла.

Интересно отметить, что в динамике сексуальная функция у пациента восстановилась позже клинического улучшения депрессии. Связано это, скорее всего, с тем, что С. продолжал длительное время (более года после выхода в ремиссию) получать поддерживающую терапию антидепрессантами, и побочные действия в сексуальной области присутствовали ещё более пяти месяцев после выхода из состояния. В период между исчезновением депрессивных симптомов до восстановления сексуальной функции пациент продолжал использовать речевое обращение «мама» по отношению к жене. Однако после восстановления сексуальной функции (что соответствует приблизительно 3–4 месяцам отсутствия депрессивной функции) пациент постепенно вернулся к стандартному обращению к жене по имени. Такая динамика состояния позволяет предположить, что применение инвертированной речевой формы было не отражением только депрессивной беспомощности, а более связано с некоей формой реакции на сексуальную дисфункцию.

Клинический случай 3 (весь терапевтический процесс проходил на иврите). Религиозный мужчина И. 34 лет, отец пятерых детей. Работает на технической должности в больнице. Себя характеризует «весёлый, общительный». Всегда был окружён друзьями. Тяготился строгими рамками религиозного заведения, где учился до 19 лет, когда по сватовству, принятому в религиозной общине, женился. Всегда пытался «нарушить границы», но благодаря своим хорошим способностям «выплывал». В полной противоположности с религиозными нормами общества, которому принадлежал с детства, вёл довольно свободную сексуальную жизнь, имел множество связей на стороне, посещал проституток.

Семейную жизнь характеризует как удовлетворительную, но слишком «пресную» для него. Жена находилась в полном неведении относительно его сексуальных похждений на стороне. Сам И. считал, что в сексе она малоактивна, слишком примитивна и зажата. Именно этим объяснял своё сексуальное поведение вне семейных рамок.

В какой-то момент стал очень волноваться, что его неприемлемое с точки зрения религиозных норм поведение может раскрыться. В закрытом обществе с сильными горизонтальными связями распространение подобной информации о нём может кардинальным образом пошатнуть не только его статус, но и статус его детей.

Обратился к врачу в связи с навязчивыми мыслями и ипохондрическим страхом, что заболел венерическим заболеванием и заразил жену.

Необходимо отметить, что даже на высоте тревоги и obsесивных мыслей сохранял достаточно критическое отношение к ним (эгодистонность).

По своей инициативе прошёл тщательное медицинское обследование, включающее обследование у венеролога и повторные анализы крови. Результаты

всех исследований были нормальными и никакого заражения не выявили. Однако на высоте страха сознательно прекратил всяческие сексуальные отношения с женой без объяснения со своей стороны. Именно в этот момент (с его слов и со слов жены) в обращении к жене появилась новая формула — «мама».

Важно отметить, что после проведённого лечения (фармакологического и психотерапевтического), приведшего к исчезновению обсессивных тревог, И. быстро вернулся к своему обычному сексуальному поведению. На этом же этапе восстановил нормальные отношения с женой и практически сразу прекратил называть её «мама», вернувшись к стандартному обращению по имени.

Исчезновение переименования было заметно как непосредственно в терапевтических сессиях, так и со слов жены.

Коротко суммируем.

Во всех трёх случаях происходит временное переименование жены в мать, причём не требует доказательства тот факт, что все участники коммуникации на сознательном уровне понимают, что жена — это не мать.

Сами пациенты не могли объяснить причину использования такой речевой формы.

Подобное переименование возникает как в ситуации прямой коммуникации (жена — муж), так и в ситуации рассказа о такой коммуникации в ходе терапии.

Во всех случаях рассматриваемое речевое поведение было временным. Возникло на пике ухудшения душевного состояния (тревога, депрессия), приводящего к снижению половой функции, и полностью исчезало, но не при смягчении симптомов депрессии, а только при восстановлении сексуальной функции.

Анализ

Talking about kin — more specifically,
using terms for different
kin types — is a different problem than
thinking about them.

Doug Jones

В первом приближении попробуем формализовать вышеописанные речевые приёмы.

И здесь мы должны обратиться к лингвистике и антропологии.

Прежде всего рассмотрим уже устоявшиеся лингвистические описания подобной коммуникативной ситуации. Приведём два из них, значимых для нашего анализа.

В лингвистике вышеописанное явление получило название «прагматический сдвиг». «Под прагматическим сдвигом при обращении понимается ситуация, когда термин родства используется не в соответствии с его значением. Например, дочкой называют не дочку, дедом — не деда и так далее. Существенно также, что это происходит под влиянием прагматики, прежде всего ради осуществления какой-то коммуникативной

стратегии внутри семьи. Здесь отсутствует метафорический перенос. Именно поэтому в ситуации прагматического сдвига нет смысла говорить о вторичном употреблении термина родства» [1].

Второй случай нестандартной номинации — так называемая зеркальная номинация, лингвистический пример, исследованный на материале сомалийской системы терминов родства: «<...> когда некоторые её важнейшие члены обозначаются не прямо, а косвенно — через позицию EGO по отношению к лицу, которое требуется назвать в рамках системы терминов родства. Эта особенность, которую можно обозначить как «зеркальная номинация», отмечается для внуков и племянников в случае референционных терминов: внук <...> — мальчик, для которого я дед (бабушка). Племянник <...> [буквально: мальчик, для которого я — дядя по отцовской (материнской) линии / тётя по отцовской (материнской) линии]» [2]¹.

В антропологии исследованию структур и терминов родства посвящено множество работ. Обратимся к классическому труду Дж.П. Мердока. Вот что он пишет: «С точки зрения использования термины родства могут употребляться либо для прямого обращения к индивиду, либо для упоминания о нём в разговоре с третьим лицом. *Вокативный термин* используется для обращения к родственнику; он представляет собой часть лингвистической поведенческой характеристики определённого межличностного отношения. *Референтивный термин* используется для обозначения родственника при разговоре о нём с третьим лицом; это не часть самого межличностного отношения, он представляет собой слово, обозначающее лицо, обладающее определённым родственным статусом» [3].

В контексте нашего исследования мы должны учитывать, что в разных культурах системы терминов родства могут быть разделены на два типа: выражающиеся через позицию (точку отсчёта) EGO (ego-centered kinship organization) или через позицию третьего лица (sociocentric organization) [4]. Для дальнейшего анализа приведённых клинических примеров это принципиально.

Рассмотрим следующие варианты упомянутого сдвига в контексте нашего подхода. Здесь представляется необходимым выделить два из них.

А) Расширенный тип, который может быть назван «Красная шапочка» по парадигме, описанной в сказке «Красная шапочка». Мать говорит дочке: «Отнеси бабушке пирожок и горшочек маслица» (реферативный термин).

В данном коммуникативном акте мать — адресант (Ант), внучка — адресат (Ат). Бабушка здесь не присут-

¹Справедливости ради, нужно отметить, что последний вариант, описанный В. Пархомовским, нам в клинике не встречался. Хотя не исключено, что не встречался он лишь потому, что не был отмечен и выделен. Однако этот пример, как нам кажется, заслуживает самого пристального внимания в клинической и психоаналитической практике.

ствуется. Обозначим её Z, но заметим, что бабушка она только по отношению к внучке (Ат), а ни в коем случае не для матери (Ант), для которой она, естественно, не бабушка, а мать.

Исходя из этого, можно предположить, что полная фраза должна звучать так: «Доченька, сходи к моей матери, которая является твоей бабушкой, и отнеси ей 1.2.3...» То есть мы имеем здесь и перескок, и свёртывание, а точнее шифт в назывании статуса. Однако шифт этот происходит не совсем по модели прагматического сдвига. Мать называет бабушкой свою мать, исходя из позиции дочери. То есть производит две операции: эллипс — сворачивание полного высказывания («Сходи к моей маме» или «Сходи к своей бабушке»). С другой стороны, эллипс сочетается с прагматическим сдвигом, обусловленным тем, что Ант называет Z, исходя из позиции Ат.

Подобные примеры хорошо известны каждому из ежедневного общения. К примеру, мать говорит сыну: «Дай (моему мужу/твоему отцу) отцу молоток». Сын (обращаясь к матери) говорит ей: «Дай отцу есть», — но не «Дай своему мужу есть», то есть «Дай моему отцу есть».

Во всех этих случаях имеет место не только присутствие участников коммуникации, но и третьего, подразумеваемого лица, которое и переименовывается.

«Особенностью русского языка является номинация адресата не относительно говорящего, а относительно третьего лица, чьё участие и присутствие при разговоре вовсе не обязательно. Это проявляется, например, при обращении супругов друг к другу как мать/отец. При этом переносное значение номинации строится относительно ребёнка: — Пап, а что ты нам принёс вкусенького? <...> Такие апеллятивы, как мама, папа, приобретают интимный оттенок при трансформации в «мамуля», «папуля» и др. — Мамуль, собери нам с Гришей вещи, пожалуйста! <...> И всё же не становятся исключением те ситуации, в которых эти обращения появляются в контексте неодобрения, с оттенком фамильярности: — Мамаша, да не нуждаемся мы ни в какой помощи! <...>» [5].

Б) Второй тип может быть назван «сокращённый». Пример: муж, обращаясь к жене, называет её не по имени, а говорит: «Мать, дай воды» (вокативный термин).

Здесь транспозиция — вариант прямой коммуникации, в котором есть только Адресант и Адресат. Z, член коммуникативного акта, не присутствует и не подразумевается.

Данный сокращённый вариант может существовать в двух разных ситуациях.

1. Ситуация прямой коммуникации, где присутствуют и адресат, и адресант. Муж обращается к жене: «Мать, а где ключи?» или «Мамуш, помоги мне!»

2. Ситуация *рассказа о коммуникативной ситуации*, где присутствует только рассказчик (референтивный термин). Пример: пациент сообщает терапевту

«Ну вот, когда мы поссорились, я и говорю ей: “Мать, да не бери ты в голову, зачем скандал поднимаешь?”»²

По сути во втором — сокращённом варианте транспозиция происходит не только при прямом обращении, но и при рассказе о третьем лице, где собственной коммуникации с этим третьим лицом нет. Именно это мы наблюдаем, несмотря на то, что непрямая транспозиция встречается в терапевтической ситуации реже. Данную речевую формулу обозначим как «транспозиция».

Снова процитируем Мердока: «Обычно референтивные термины более определённы в своём применении, чем вокативные. Так, в английском языке mother (“мать”) как референтивный термин обычно обозначает только собственно мать, но в качестве *вокативного он обычно применяется также при обращении к мачехе, тётце, свекрови или даже к родственно не связанной с эго женщине более старшего возраста*. Более того, референтивные термины обычно более полные, чем вокативные. Обычай может требовать применять только личные имена при обращении к родственникам определённых категорий, либо те или иные табу могут запрещать это разговаривать с ними, в результате чего соответствующие вокативные термины в данном языке могут отсутствовать вообще. В дополнение к этому вокативные термины демонстрируют тенденцию к большей дубликации и наложению друг на друга, чем это наблюдается в отношении референтивных терминов. В результате действия этих причин референтивные термины оказываются значительно более полезными при анализе систем родства» [3].

Интересно отметить, что при переходе от первого варианта к третьему происходит уменьшение количества членов коммуникативной ситуации с трёх (где третий член присутствует в поле коммуникативной ситуации или подразумевается) до одного. И это, на наш взгляд, является существенной чертой транспозиции.

Снова подчеркнём отличие транспозиции от прагматического сдвига. С лингвистической точки зрения, и с этим можно только согласиться, транспозиция — просто один из частных случаев прагматического сдвига. Но рассматривая её в контексте психотерапевтической ситуации, мы можем отметить как лингвистические (включение эллипса или перемещение Адресанта на позицию третьего лица при обращении к Адресату), так и экстралингвистические особенности (конкретная семейная ситуация и специфическое изме-

²Нельзя исключить, что в данном контексте «мать» по отношению к жене имеет и другую коннотацию, а именно подчёркивание грубовато-покровительского отношения. Возможно, что в реальном общении форма «мать» имела именно ту окраску, о которой мы и говорим, а в пересказе врачу окраска изменялась и стала юмористической, то есть защитной, в попытке стусевать неудобство пациента, понимающего некоторую неправильность своего словоупотребления.

нение душевного состояния — депрессия и сексуальная дисфункция).

Однако обозначить новым термином подобный тип поведения для нас недостаточно. Само название «прагматический сдвиг» в явном виде отсылает нас к акту коммуникации. А то, что мы наблюдаем в психотерапевтической интервенции, и есть суть определённого вида речевого поведения и явная коммуникативная ситуация, причём чётко очерченная.

Таким образом, можно говорить об определённом типе речевого поведения в рамках семейного речевого этикета, проявляющегося в терапевтической ситуации. Такой ход подталкивает нас сделать следующий шаг — попытаться понять общий психологический механизм, позволяющий пролить свет на причины появления такого речевого поведения в рамках терапевтической сессии.

Обсуждение и выводы

Kinship and language are similar in their combinatorial structure, pointing toward general principles of cognition or communication at work in both cases.

Doug Jones

Природа специфического языкового паттерна, отмеченного нами в рамках терапевтической интервенции, может быть описана при использовании разных исследовательских оптик: как проблема философии имени; как явление языкового этикета; как прагматика языкового манипулирования; как лингвоантропологический анализ систем родства; как когнитивный концепт или как специфическое защитное языковое поведение.

В нашей работе мы рассматриваем данный речевой паттерн преимущественно в рамках механизма психологической защиты.

Совершенно понятно и не требует дополнительных разъяснений (мы говорили об этом выше), что подобная транспозиция может присутствовать и в обыденной жизни, вне связи с клинической ситуацией. Именно эту информацию мы использовали с целью более чёткого формального описания явления. Однако следует указать, что в стандартной ситуации общения (стандартной мы условно называем нетерапевтическую ситуацию) как в русском языке, так и в иврите употребление вокативов с корнем «мам»³ при обращении к жене часто имеет экспрессивный, игровой оттенок. В такой ситуации мужчина редко использует те же слова [например, «мама», «мамочка», «мамуся», «ima» («мать» — *ивр.*)], с которыми он обращается к собственной матери, предпочитая более экспрессивную лексику: «мать», «матушка», «imale» («мамочка моя» — *ивр.*) и т.д.

Нужно отметить, что обращение к данной речевой формуле (обозначенной нами как транспозиция) было ранее описано и проанализировано в лингвистике и антропологии — в основном при анализе систем родства у разных народов, например русских, татар,

японцев, китайцев, новозеландского племени Кака [8–11].

Однако, насколько нам известно, подобное употребление терминов родства (именно к этому классу явлений с антропологической точки зрения относятся наши примеры) в ходе психотерапевтического процесса до сегодняшнего дня не привлекало внимания психиатров и психотерапевтов. Нас же интересует именно принципиальное изменение смысла рассматриваемого речевого употребления и только в ситуации терапии.

«После рождения уже первого ребёнка жена называет своего мужа словом, которым в данном говоре принято называть отца (батя, тата, тятя и др.), соответственно муж называет свою жену словом, которым обозначают мать. Когда супруги достигают почтенного возраста, они превращаются в деда и бабу — иногда вне зависимости от появления реальных внуков: подавляющее число обращений дёдко, дёдо <...> адресовано не деду и прадеду, а мужу. То же касается номинации. Ср. у Зеленина: “<...> Словесные запреты во взаимоотношениях между мужем и женой развились в теснейшей связи с верою в магическую силу имён <...> У сербов жена зовёт своего мужа большею частью местоимением *он*; называть мужа по имени ей запрещено <...> Украинки на юге Киевщины тоже зовут своих мужей большею частью местоимением *он* <...> У русских широко распространена текнонимия: после рождения ребёнка супруги именуют друг друга *отец*, *мать*; прямого запрета на имя супругов нет, но явные следы его сохраняются в переживаниях (мои наблюдения); между прочим, жена даже молодого своего мужа часто называет *старик* <...> Осетин не называет по имени своей жены так же, как и своей матери <...> У хевсур муж и жена не имеют права называть друг друга по именам...” [12].

Важно отметить, что во всех описанных нами клинических случаях переименование жены в мать носило временный характер и постепенно сходило на нет параллельно с улучшением клинического состояния, а точнее с восстановлением сексуальной функции.

Именно такая временная связка позволяет предполагать, что существует причинно-следственная связь между клиническим состоянием и обозначенной нами транспозицией.

В чём же особенности транспозиции во всех наших клинических примерах? Попробуем их кратко обозначить.

1. Кратковременный характер, дающий возможность проследить динамику процесса: момент возникновения, развития и угасания. Подобное частное наблюдение (*case study*) в контексте нашего наблюдения должно позволить подойти к пониманию и объяснению психологических механизмов, лежащих в их основе.

³Корень *am — «мать» в ностратических реконструкциях [6]. Цит. по [7].

2. Использование названных речевых форм не связано с ранее описанными внешними механизмами, такими как изменение семейного статуса (рождение ребёнка, например) или достижение определённого возраста супругами, а привязано к тяжести душевного слома, сексуальной дисфункции и, соответственно, должно отражать внутренние, неосознаваемые мотивации говорящего.

3. В отличие от ситуации, описанной С. Адоньевой, которая подчёркивает, что «изменение в способе обращения от приватного, установившегося и привычного, к стандартному, предпринятое говорящим, немедленно выводит коммуникацию на грань конфликта» [13], использование таких нестандартных форм в случае внутреннего конфликта не приводит, а наоборот, скорее способствует разрешению ситуации.

4. Обращение «мать» по отношению к жене может быть как термином референтивным, так и вокативным, но в отличие от примеров английского языка, приведённых Мердоком, здесь он используется не в отношении «мачехи, тёщи, свекрови или даже к родственно не связанной с эго женщины более старшего возраста», а исключительно по отношению к жене.

5. Экспрессивная лексика в наших клинических примерах пациентами практически не употреблялась. Отмечено исключительное использование такого типа обращения, который принят именно в ситуации прямого обращения сына к своей матери.

Учитывая эти особенности, мы предположили, что транспозиция в данном случае была символическим защитным механизмом, причём этот механизм реализуется в двух плоскостях параллельно. Наше предположение сделано по следующим причинам.

Во-первых, перенос наименования с жены на мать есть не только (пере)называние, но и воплощение приписываемого жене нового статуса — статуса матери. Это подтверждается как использованием особых речевых формул в устах мужей, так и возникновением в их поведении инфантильных и зависимых черт. Причём во всех случаях эти черты носили временный характер и в своей структуре и динамике совпадали с вектором клинического состояния⁴.

Во-вторых, и это для нас более значимо, транспозиция второго типа является по сути неосознанным использованием инцестуального табу, распространяемого в культуре именно на фигуру матери. Однако в описываемых выше случаях такое инцестуальное табу работает не как запрет инцеста, а ровно в противоположном направлении. Инцестуальным становится стандартное и разрешённое брачное сексуальное поведение через переименование сексуального партнёра. Транспозиция переводит осознанное разрешённое в неосознанное запрещённое. А становясь запрещённым и соединяясь с невозможным в физическом плане, перестаёт быть источником тревоги.

Рассматривая этот сюжет как вариант классического инцестуального (эдипова) сюжета, мы обна-

ружим полную его зеркальную инверсию, когда не мать (сознательно или неосознательно) становится женой героя, а жена (героя/пациента) становится матерью.

Не желая делать спекулятивных и скоропалительных предположений, мы сознательно не затрагиваем вопрос о транспозиции как возвращении к архаическому типу поведения. Позволим себе лишь сослаться на работу Г. Дзибеля, пытающегося реконструировать архаические системы родства: «Не исключено, что до формирования этого чисто гипотетического типа СТР (система терминов родства — *И.3.*), состоявшего всего из 4 категориальных иденонимов, *человечество не знало запрета на инцест как восприимчивости половых связей (брака) с категориально очерченным кругом ближайших родственников* (выделено нами — *И.3.*). Возможность или невозможность сексуальной коммуникации определялась строго ситуативным соотношением фенотипических признаков потенциальных партнёров. Субъект мог входить в интимные отношения с лицами, впоследствии осознанными как его “мать” и “сестра” или её “отец” и “брат” в социально или индивидуально значимых обстоятельствах, если те обладали социально или индивидуально значимыми фенотипическими признаками. Видимо Л.Г. Морган мог оказаться правым в своей, ставшей потом казаться абсурдной идее о первоначальной эпохе <...> промискуитета в человеческом обществе. Это, однако, не означает, что в межполовых отношениях царил хаос; скорее, они структурировались на основе принципов, которые пока невозможно вычленишь» [7].

В начале статьи мы рассматривали транспозицию как частный случай прагматического сдвига. В заключение, нам кажется, можно сделать симметричный шаг и рассмотреть транспозицию как частный случай речевого поведения в терапевтической ситуации.

Вышеназванную транспозицию в фокусе терапии можно рассматривать как частный случай **речевой/риторической защиты**, к каковой могут быть отнесены, например, инвективы или отказ от речевого контакта.

Под речевой защитой мы понимаем такой механизм, в котором риторические или иные формы речевого этикета/выражения сами начинают играть защитную роль, вытесняя содержание высказывания на второй план. По сути перед нами случай риторической иллюзии, где само реченье одновременно является и действием [15–17], а в нашей конкретной ситуации — не просто действием, а актуализацией защитного механизма.

⁴Рассматривая терминологию родства в контексте психоаналитической теории, не могу не привести адыгейскую поговорку, в которой жена и мать противопоставлены: «И шэр хьэлэлу, зи лыр хьэрэм» — букв. «Чьё молоко разрешено, но плоть запретна» (относится к матери). «И шэр хьэрэму, зи лыр хьэлэл» — букв. «Чьё молоко запретно, а плоть разрешена» (относится к жене) [14].

Можно также коротко отметить, что транспозиция термина родства в описанных случаях может быть рассмотрена и с точки зрения проявления магической функции языка. Подобно тому, как умолчание имени Бога или замена имени врага (зверя, внушающего страх — как в случае с русским «медведь») «скрывает» говорящего от гнева верховного существа или вражеской местности.

Однако это уже предмет следующего исследования, как и вопрос о возможности, желательности и необходимости проработки этого механизма транспозиции в терапии.

И наконец финальная ремарка. Мы замечаем какое-либо явление только после того, как вычленим его из общего потока. Это хорошо известное правило, общее место, но оно приобретает особую значимость именно при анализе речевого поведения в контексте терапии.

Автор выражает свою глубокую благодарность

А. Архиповой, И. Овчинниковой, О. Патрикеевой, С. Раскину за плодотворное обсуждение статьи в ходе подготовки и Ю. Зислин, взявшую на себя труд по редактированию рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурас М.М. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика. *Вопросы языкознания*. 2013; 1: 121–131. [Buras M.M. Obrashcheniya v russkom semeynom etikete: semantika i pragmatika. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2013; 1: 121–131. (In Russ.)]
2. Пархомовский В.Я., Капчиц Г.Л. Сомалийские устные традиции: система и термины родства. В кн.: Пархомовский В.Я. *Очерки по исторической и антропологической лингвистике*. Т. 2. М.: Издательский дом ЯСК. 2018; 115–131. [Parkhomovskiy V.Ya., Kapchits G.L. Somaliyskie ustnye traditsii: sistema i terminy rodstva. V kn.: Parkhomovskiy V.Ya. *Ocherki po istoricheskoy i antropologicheskoy lingvistike*. Т. 2. М.: Izdatel'skiy dom YASK. 2018; 115–131. (In Russ.)]
3. Мердок Дж. *Социальная структура*. Пер. с англ. А.В. Коротаева. М.: ОГИ. 2003; 608 с. [Merdok Dzh. *Sotsial'naya struktura*. Per. s angl. A.V. Korotaeva. М.: OGI. 2003; 608 p. (In Russ.)]
4. *Encyclopedia of evolutionary psychological science*. Ed. T.K. Shackelford, V.A. Weekes-Shackelford. Springer Nature Switzerland AG. 2019; 1000 p.
5. Звягинцева В.В. Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2011; 1 (9): 23–27. [Zvyagintseva V.V. Terminy rodstva kak obrashcheniya v russkom i angliyskom semeynykh diskursakh. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2011; 1 (9): 23–27. (In Russ.)]
6. Бомхард А.Р. Очерк сравнительной фонологии так называемых «ностратических языков». *Вопросы языкознания*. 1989; 3: 33–50. [Bomkhard A.R. Ocherk sravnitel'noy fonologii tak nazyvaemykh "nostraticheskikh yazykov". *Voprosy yazykoznaniiya*. 1989; 3: 33–50. (In Russ.)]
7. Дзибель Г.В. *Феномен родства. Прологомены к иденетической теории*. СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. 2001; 470 с. [Dzibel' G.V. *Fenomen rodstva. Prolegomeny k ideneticheskoy teorii*. SPb.: Muzei antropologii i ehtnografii (Kunstkamera) RAN. 2001; 470 p. (In Russ.)]
8. Алиева С.А., Гаджихмедов Н.Э. Особенности обращений к лицу в русском и кумыкском языках (на материале терминов родства). *Мир науки, культуры, образования*. 2019; 1 (74): 361–363. [Alieva S.A., Gadziakhmedov N.E. Osobennosti obrashcheniy k litsu v russkom i kumykskom yazykakh (na materiale terminov rodstva). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2019; 1 (74): 361–363. (In Russ.)]
9. Ромазанова О.В. Роль терминов родства как средств обращения в английском и татарском языках. *Science Time*. 2015; 3 (15): 465–468. [Romazanova O.V. Rol' terminov rodstva kak sredstv obrashcheniya v angliyskom i tatarskom yazykakh. *Science Time*. 2015; 3 (15): 465–468. (In Russ.)]
10. Фролова Е.Л. Термины родства в функции обозначения супругов в японской семье. *Вестн. НГУ. Серия: История, филология*. 2012; 4: 129–139. [Frolova E.L. Terminy rodstva v funktsii oboznacheniya suprugov v yaponskoy sem'e. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2012; 4: 129–139. (In Russ.)]
11. Loewen J. *Culture and human values*. California: William Carey Library. 2000; 443 p.
12. Качинская И.Б. Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров). В сб.: *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства*. Вып. 13. СПб.: Изд. МАЭ РАН. 2012; 95–110. [Kachinskaya I.B. Russkie terminy rodstva i lichnoe imya (po materialam arkhangel'skikh govorov). V sb.: *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*. Вып. 13. Sankt-Peterburg: Izd. MAEN RAN. 2012; 95–110. (In Russ.)]
13. Адоньева С.Б. Обращение в устной речи и конвенции социальных отношений. *Вестн. СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016; 3: 5–14. [Adon'eva S.B. Obrashchenie v ustnoy rechi i konventsii sotsial'nykh otnosheniy. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2016; 3: 5–14. (In Russ.)]
14. Езаова М.Ю., Карданов М.Л., Шугушева Д.Х. Проявление табу в системе родства адыгских языков. *Filologos*. 2019; 40: 27–32. [Ezaova M.Yu., Kardanov M.L., Shugusheva D.H. Proyavlenie tabu v sisteme rodstva adygskikh yazykov. *Filologos*. 2019; 40: 27–32. (In Russ.)]
15. Остин Дж.Л. *Избранное. Истина, Как совершить действия при помощи слов, Смысл и сенсibiliти, Чужое сознание*. М.: Идея-Пресс. 1999; 332 с. [Ostin Dzh.L. *Izbrannoe. Istina, Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov, Smysl i sensibilii, Chuzhoe soznanie*. М.: Ideya-Press. 1999; 332 p. (In Russ.)]
16. Schneider P. Language usage and social action in the psychoanalytic encounter: Discourse analysis of a therapy session fragmen. *Language and Psychoanalysis*, 2013; 2 (1): 4–19.
17. Ricoeur P. Psychoanalysis and interpretation a critical review. *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies*. 2016; 7 (1): 31–41.

Поступила 31.08.2020; принята в печать 21.09.2020.